

УДК 82-94

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-102-121

**БАРОН ДЕ БАЗАНКУР:
ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.
ЧАСТЬ VII. «РЕВОЛЮЦИОННЫЙ» РОМАН**

Орехов В. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
v-orehov@mail.ru*

В статье рассматривается первая часть романа-фельетона барона де Базанкура «Монтаньяр, или Две республики. 1793 год – 1848 год», посвященная эпохе Великой французской революции и публиковавшаяся в 1850 г. в монархической газете «L'Assemblée nationale». Внимание в статье сосредоточено также на литературном и историографическом контексте: художественных произведениях (О. де Бальзака, Ж. Санд, А. Дюма) и исторических трудах (А. Тьера, Ф.-О. Минье, Ж. Мишле, А. де Ламартина, Л. Блана), от которых Базанкур должен был отталкиваться или, по крайней мере, существование которых должен был учитывать в процессе художественной интерпретации революционных событий. Указанные литературные тексты и исторические исследования проводили мысль о закономерности Великой французской революции, что противоречило идеологическим задачам, которые ставил перед своим романом монархист барон де Базанкур. Романист оказывался в ситуации, когда приходилось черпать фактический материал из известных исторических трудов, но при этом формулировать порою прямо противоположные выводы; это вынуждало искать способы радикального переосмысления уже введенного в читательский оборот исторического материала.

Ключевые слова: Барон де Базанкур, Монтаньяр, А. Дюма, Великая французская революция, 1793.

ВВЕДЕНИЕ

Революция 1848 г. радикально изменила не только политический, но и литературный ландшафт Франции. С учреждением Второй республики социальные противоречия не были преодолены, и страну охватила напряженная партийная борьба. В обобщенном виде ситуацию можно представить как противостояние, с одной стороны, левых сил (от умеренных республиканцев до коммунистов), а с другой – объединившихся в т. н. «партию порядка» монархистов, бонапартистов и держателей крупных активов. Резкая политизация прессы и общества вела к тому, что литературные интересы аудитории ослабели и поменяли направление. Оторванная от социально-исторической действительности тематика проигрывала в популярности перипетиям реальной идеологической борьбы. Теперь читатель стремился увидеть в литераторе не столько представителя того или иного художественного направления (школы, стиля), сколько выразителя определенной системы политических принципов. В сложившихся условиях литератору приходилось, во-первых, определяться с выбором близких ему по духу политических сил, а во-вторых, обновлять художественную тактику.

Это в полной мере касалось и барона де Базанкура. Его политический выбор был обусловлен происхождением, принадлежностью к определенному социальному кругу, светским амплуа. Барон де Базанкур поддерживал монархистов и сотрудничал с монархической газетой «L'Assemblée nationale». Результатом творческих поисков стал роман-фельетон «Монтаньяр, или Две республики. 1793 год – 1848 год», печатавшийся на страницах этого издания в 1850–1851 гг.

Роман состоит из двух приблизительно разновеликих частей, каждая из которых могла бы восприниматься как самостоятельное произведение. Они даже печатались с

паузой в полгода (первая часть – с 3 мая по 13 сентября 1850 г.; вторая – с 23 апреля по 23 августа 1851 г.). Обе части романа связаны общей тематикой и заглавным героем, и тем не менее, их объединение в один текст должно было представлять для автора определенную методологическую проблему. Первая часть, посвященная событиям Великой французской революции, должна была писаться по лекалам исторического романа, что предполагало воссоздание реальных исторических персонажей, колорита пусть не слишком давней, но все же ушедшей эпохи. А вторая часть посвящалась революции 1848 г., то есть актуальной современности, что заставляло следовать иному канону. Этот канон Базанкуру приходилось «нащупывать» и создавать самостоятельно: если о Великой французской революции литературные произведения уже существовали, то к революции 1848 г. романист Базанкур обращался, пожалуй, первым.

В настоящей статье мы рассмотрим лишь первую часть романа «Монтаньяр, или Две республики. 1793 год – 1848 год. Часть первая. 1793 год», ставя первоочередной **целью** восстановление историографической основы и литературного контекста произведения.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Жорж Монтаньяр. 1793 г.

Завязка событий в романе относится к весне 1793 г., то есть к периоду, когда по словам Базанкура, «Франция следовала от эшафота Людовика XVI к резне Террора» [23, т. 1, р. 9]. Действия поначалу разворачиваются в Провансе в окрестностях города Арль, где дельта Роны образует разнообразные ландшафты. Очевидно, что автору места эти хорошо знакомы, во всяком случае он с заметным увлечением изображает вековые дубы, оливковые и шелковичные деревьями; «пышных и ярких птиц» в тростнике, «подобном гибкому лесу»; и полудиких лошадей, которые «устраивают дикие скачки по топким землям», напоминая «своими длинными гривами крылатых коней, что в немецких балладах уносят белых призраков в просторы вселенной» [23, т. 1, р. 6]. Кстати, упомянутые лошади уникальной камаргской породы, имеющие белую масть, и сегодня составляют одну из главных местных достопримечательностей.

В этом природном раю (а достаточно сказать, что ныне здесь региональный природный парк) живет главный герой романа – юноша-простолюдин Жорж. Ему лет 25–26, и в его облике находим детали, излюбленные романтической литературой: загорелое лицо с «отважным и горделивым выражением», «с четко выраженными чертами, что обычно присуще южанам», «с выступающими скулами»; «сильно изогнутые брови, оттеняющие живой и пылкий взгляд, устремленный вперед и никогда не ищущий сумрачного убежища под тяжелыми веками»; «черные длинные волосы» [23, т. 1, р. 7].

Идиллические пейзажи контрастируют с условиями местной жизни: «Париж распространил по всей Франции гидру революции», и теперь «поверженная, как и ее пылающие замки», аристократия «скитается от города к городу, преследуемая варварскими ордами, отребьями черни, которые республика, опьяненная пролитой ею кровью, сделала хозяевами Франции» [23, т. 1, р. 8].

Для иллюстрации гражданских противоречий автор избрал один из наиболее характерных в этом отношении регионов. И. Тэн в созданном значительно позднее историческом труде «Происхождение современной Франции» отмечал, что нигде так, как в департаменте устьев Роны, «расцвет революционного дерева» «не был так скороспел, нигде местные условия и темперамент жителей не оказывали такого сильного влияния на рост его» [20, с. 78–78]. К 1792 г. в Арле монархисты, объединявшиеся в политическую

группу *Chiffonistes*, сумели узурпировать власть и развернуть репрессии против революционеров, так что этот вопрос даже рассматривался в Национальном собрании [28]. К моменту, который описывает Базанкур, власть монархистов в городе уже была сметена силами марсельских патриотов [12, с. 312], совершивших вооруженный поход против «арльских заговорщиков». Бразды правления оказались в руках якобинцев.

Впрочем, Базанкур не вдается в подробности предшествующей истории, а сразу обрисовывает ситуацию 1793 г., когда население уже разделено на два враждующих лагеря: сторонников и противников революции. К числу революционеров принадлежит главный герой романа Жорж и еще ряд персонажей – местные якобинцы из числа простолюдинов. Позитивными чертами отмечен только Жорж, который руководствуется революционной идеей, а не корыстью и низменными инстинктами. Все остальные революционеры изображаются в подчеркнуто негативном и саркастичном ключе. Так, один из «соратников» Жоржа, провинциальный санкюлот, воплощение грубости и морального ничтожества, горделиво называет себя новым «революционным» именем Кассий [23, t. 1, p. 20–21]. В самых темных тонах описан глава местной коммуны, который «правит, как суверен», и, «подобно богам Олимпа, решает судьбы всех местных жителей» [23, t. 1, p. 24–25].

Лагерю, так сказать, «революционной черни» противопоставлены персонажи, к которым автор относится благосклонно. Во-первых, это те самые скрывающиеся от якобинцев аристократы – «благородные сердца» [23, t. 1, p. 34]. Главные среди них – уже немолодой маркиз де Савернуа, его сын граф Анри и дочь Жанна. Впрочем, и некоторые люди низкого сословия оказываются в лагере, которому симпатизирует автор. Скажем, слуга маркиза Жак, полагающий целью своего существования беззаветное служение господину. Но нам интереснее иной персонаж – отец Жоржа, «помогающий» автору установить «идеологические ориентиры».

В целом Базанкур мало вдается в концептуальную составляющую социального конфликта, отдавая предпочтение событийной стороне сюжета. Наиболее четко суть идеологических противоречий представлена в пространном диалоге между Жоржем и его отцом, крестьянином, живущем в уединенной лесной хижине и сохраняющим патриархальные взгляды. Жорж пытается убедить отца в справедливости своей революционной миссии, при этом излагает мысли посредством расхожих лозунгов о правах человека [23, t. 1, p. 15]. «Митинговая» риторика заставляет читателя видеть в соображениях Жоржа результат юношеского увлечения громкими фразами. Этому противостоит умудренная речь старика, призванная логикой и фактами разбить «демагогические» аргументы сына. Скажем, на лозунг о социальном равенстве старик возражает: «Какого равенства ты хочешь? Ты хочешь, чтобы идиоты и лентяи стали равны с умными и трудолюбивыми, чтобы негодяи оказались на равных с добрыми людьми?» [23, t. 1, p. 16] В этом случае, используя голос «добраго крестьянина», Базанкур идет по пути, проложенному авторами многочисленных антисоциалистических брошюр [19, с. 162], распространяемых «партией порядка» как раз в пору создания романа: компрометирует идеологический принцип, подменяя сущность понятия. Подобным образом романист поступает с «фактом». На слова Жоржа о несправедливости угнетения, старик рассказывает историю, как в прошлом некий аристократ спас их семейство, подарив дом взамен хижины, уничтоженной пожаром. Словом, в представлении старого крестьянина, с которым заметно солидарен автор, жизнь до революции выглядела как совершенная гармония между сословиями, и эту гармонию из корыстных интересов разрушили демагоги, обманувшие общество утопическими мечтами.

Расставив «идеологические вешки», Базанкур более не возвращается к этому вопросу и в оценках следует намеченному «фарватеру»: все контрреволюционеры в романе совершают поступки благородные, тогда как все революционеры – низкие и жестокие. Лирические отступления постоянно напоминают читателю, что сам автор на стороне аристократии и ненавидит якобинцев. Предельно упростив таким образом идеологическую «схему» повествования, Базанкур сосредоточивается на психологической и авантюрной интриге. Психологическая – связана с характером главного героя: Жорж, оставаясь революционером, демонстрирует благородство души, не свойственное в романе другим революционерам. В Арле он мешает разъяренной толпе устроить самосуд над аристократами и этим завоевывает поддержку большинства сограждан. Затем он спасает от разъяренных якобинцев семейство Савернуа, нашедшее приют в хижине его отца. Как согласуется это великодушие с жестокостью революции?

Авантюрная интрига романа – заговор аристократов. Здесь автору открывается простор для повествовательных поворотов, хорошо отработанных в прежних романах. Маркиз де Савернуа стремится поднять монархическое восстание, а якобинцы стараются схватить маркиза и его семью. Все это позволяет наполнить сюжет напряженными сценами: вооруженные стычки, бесчинства якобинцев, встречи заговорщиков в подземельях старинного замка, попытки спрятаться в монастыре, погони, спасение то одного, то другого члена семьи Савернуа. В какой-то момент действие переносится в Париж. Семью Савернуа приводят сюда интересы контрреволюционной борьбы, а Жорж отправляется в «сердце Республики», поскольку избран членом Конвента. Юноша погружается в атмосферу межпартийной борьбы, где политические силы, как «дикие звери, предоставленные на этой кровавой арене сами себе, пытались пожрать друг друга» [23, т. 3, р. 29]. Кстати, только с этого момента становится понятным, почему роман носит заглавие «Монтаньяр...».

Монтаньяры (в буквальном переводе – горцы) – политическая партия, представители которой продвигали наиболее решительную революционную повестку и опирались на поддержку беднейших слоев населения. В Конвенте ее депутаты занимали самые верхние ряды левой стороны, отсюда и название партии – La Montagne, или Гора. Руководителем этой политической силы был Дантон. Хотя партия была не самой многочисленной (до 150 депутатов [21, с. 297]), монтаньярам удалось добиться победы над жирондистами в Конвенте. Для современников Базанкура «монтаньяры» снова приобрели актуальность, поскольку после революции 1848 г. этим именем назвала себя группа демократически настроенных депутатов Учредительного собрания. В 1849 г. блок этих депутатов, последовательных противников монархизма, получил название «Новая Гора». И Базанкур, таким образом, явно подсказывал аудитории параллели между 1793 годом и современностью.

Итак, Жорж попал на заседание Конвента 31 мая 1793 г. (как раз в тот момент, когда наступал решающий момент схватки монтаньяров с жирондистами) и влился в ряды монтаньяров. С этого времени его и начинают называть Жорж Монтаньяр.

Политический выбор Жоржа автор объясняет юношеской наивностью:

«В его сердце было еще слишком много чистоты и веры, чтобы он мог постичь глубину прискорбных тайн человеческого духа. Республика виделась ему неизменным знаменем абсолютной истины; как мог он поверить, что безобразные, эгоистичные и трусливые человеческие страсти сорвутся с цепи и что родина, уже и без того искалеченная, станет ареной, где безжалостное

самолюбие и смертельная ненависть будут рвать друг друга на куски»
[23, t. 3, p. 35].

В интерпретации Базанкура, Жорж оказался жертвой того нравственного разложения, которое было запущено революцией 1798 г.:

«<...> Роковой демон, витавший над Францией с 89 года, отравил своим дыханием все благородные мысли, все порывы, внушаемые свыше. Этот роковой демон влил во все жилы свою желчь, свой яд и свою испорченную кровь»
[23, t. 3, p. 37].

Для чего же автору понадобилось ввести своего героя в круг революционеров наиболее радикального крыла?

Задача автора – показать постепенное и драматичное разочарование героя в идеалах революции. Жоржу по воле автора приходится быть свидетелем, а порою едва ли не «соучастником» наиболее кровавых событий. С первых шагов в Конвенте он оказался причастен к падению жирондистов, многие из которых будут казнены. Он наблюдал казнь Марии-Антуанетты. Был у эшафота во время казни его кумира Дантона. Наконец, он стал приближенным лицом Робеспьера и наблюдал безжалостную работу Революционного трибунала, под арест которого попадает даже его отец.

В конце концов жестокость революции доводит благородную душу Жана до крайней степени разочарования. Лишь случайная встреча с дочерью маркиза Савернуа Жанной возвращает ему веру в жизнь. Однако пробудившееся чувство наталкивается на непреодолимые преграды. Сердечная привязанность Жоржа враждебно воспринимается в кругу революционеров, и даже сам Робеспьер замечает, что любовь отвлекает Монтаньяра от революционной деятельности. Более того, Жанна оказывается причастна к заговору аристократов. Ее арестовывают агенты Фуке; мятеж терпит поражение; маркиз де Савернуа гибнет. Отчаянные попытки Жоржа спасти возлюбленную ни к чему не приводят. Жанну отправляют на казнь. В финале этой части романа Жоржа Монтаньяра предстает человеком, чью жизнь полностью разрушила революция.

Источники исторического материала

Как помним, барон де Базанкур уже писал исторические романы, однако они посвящались Средневековью. Обращение к давним, почти баснословным временам имеет очевидное преимущество: недостаток точной исторической информации открывает безграничный простор художественному воображению, которое «заполняет белые пятна» [6, с. 8]. Обращение же к недавним эпохам подразумевает возможность для читателя сопоставлять романное повествование с документами, историческими трудами, рассказами очевидцев. Автор оказывается в сильной степени зависим от реальной исторической событийности, что обуславливает необходимость широкого освоения фактов и ограничивает свободу их произвольной интерпретации. Видимо, именно этой трудностью объясняется, что к середине XIX в. Франция знала лишь единичные литературные обращения к эпохе Великой революции. Так что в «Монтаньяре...» Базанкур разрабатывал тему, которая была нова не только для него самого, но и в целом для французской литературы.

Характерно, однако, что почти одновременно с «Монтаньяром...» появился еще один роман-фельетон о Великой французской революции. В декабре 1850 г. (т. е. через три месяца после того, как завершилась публикация первой части «Монтаньяра...») «La Presse» начала печатать роман А. Дюма «Анж Питу», обращенный к событиям 1789 г.

Априори можно сказать, что синхронное появление текстов не случайность, а следствие социального запроса. Интереснее другое: почему два автора, находясь в одинаковых условиях, выбрали разные тактики (а они радикально разные) художественного осмысления исторических материалов. Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно понять, из каких источников они могли брать материал для своих сочинений.

К интересующему нас периоду существовало уже несколько серьезных исторических трудов о Великой французской революции, различающихся по охвату материалов и способу их осмысления. Кратко охарактеризуем исследования, которые пользовались популярностью и, по-видимому, были хорошо знакомы обоим романистам.

По многим причинам системное изучение событий французской революции не могло начаться ни в конце XVIII в., ни в эпоху Наполеона [38]. Первые серьезные шаги в этом направлении стали предприниматься уже в эпоху Реставрации, причем заметно, что с самого начала тема оказалась сильно политизирована. Вернувшая себе влияние аристократия склонна была трактовать Революцию как историческую аномалию, «стихийное бедствие, подобное землетрясению» [16, с. 232]. Именно так события представлены в романе «Монтаньяр...», и такая позиция, вероятно, был во многом основана на семейных и околосоемейных «преданиях» барона де Базанкура, оживлявших, например, воспоминания о прабабушке романиста Софи д'Удето – графине, хозяйке аристократического салона, умевшей создать атмосферу утонченного общения, близко знавшей с Ж.-Ж. Руссо и не понятно за какие грехи пострадавшей в пору революционного смятения. Представление о «случайности» Революции служило как бы моральным оправданием Реставрации: исторический шторм миновал и потому вещи вернулись к своим извечным местам. Такая «успокоительная историософия» поддерживалась, однако, не всеми. Среди противников была, скажем, мадам де Сталь, мнение которой обществу было трудно игнорировать. В 1818 г. посмертно печатались ее «Размышления о главных событиях французской революции», где уже первые строки выглядели как полемический ответ сторонникам «случайности»:

«Французская революция – одна из великих эпох общественного устройства. Те, кто считает ее событием случайным, не вглядывались ни в прошлое, ни в будущее. Они увидели актеров, а не пьесу, и, угождая собственным пристрастиям, приписали нынешним людям то, что приуготовлено веками. Однако достаточно окинуть взором главные исторические кризисы, дабы убедиться, что все они были неизбежны, если каким-либо образом опирались на развитие идей, и что после борьбы и более или менее продолжительных бедствий торжество просвещения всегда благоприятствовало величию и совершенствованию человеческого рода» [45, р. 1–2].

Что касается «развития идей», то и по этому вопросу в эпоху Реставрации существовало «умиротворяющее» объяснение. В ходу было мнение, что Вольтер, Руссо и подобные им литераторы и философы «заразили» общество утопическими идеями, приведшими к социальной катастрофе [10, с. 57]. То есть революция опять же трактовалась как результат стихийного зла, напоминавшего чуму. И тут уместно обратиться к одному из первых сочинений дядюшки Базанкура – Проспера де Баранта «Панорама французской литературы восемнадцатого столетия». Исследование впервые публиковалось еще в наполеоновскую пору в 1809 г., а в эпоху Реставрации в 1822 г. очередное переиздание де Барант снабдил предисловием, где фиксировал утвердившуюся в обществе подмену причин и следствий:

«При абсолютном правлении, когда все государственные учреждения, все классы нации были отрешены от законного участия в государственных делах, литература в силу вещей стала органом общественного мнения, элементом политической жизни <...>. Страшное крушение было следствием того несправедливого и неразумного положения, в которое поставила себя власть, которая уже не была способна ни просвещать, ни укреплять, и литература оказалась под ударом как единственный видимый враг, содействовавший падению власти. Здание рухнуло из-за отсутствия фундамента, а обвинили в падении ветер, подувший на него» [22, р. 3–4].

В 1823–1824 гг. об эпохе «страшного крушения» в свет вышли два полноценных исторических исследования, которые стоит воспринимать как некую идейно-тематическую целостность, поскольку эти труды создавались друзьями-единомышленниками и не только «пересекались» в отдельных моментах, но концептуально дополняли друг друга.

Сначала скажем об «Истории французской революции» (1824) Ф.-О. Минье. Она печаталась чуть позже, чем начала выходить многотомная «История...» Тьера (1823), но была меньшей по объему, вышла одномоментно, так что сразу воспринималась как свершившееся научное событие. Автор предупреждал читателя, что в его намерения входило лишь бегло проследить ход событий с 1789 до 1814 г. [37, р. 1]. Действительно, если сравнивать этот труд с масштабными «Историями...», появившимися позднее, то он может быть оценен как краткое описание событий. Но и цель его была не в скрупулезности фиксации фактов, а в утверждении историософских установок. С первых строк Минье оправдывал Революцию ее фундаментальными достижениями:

«Революция <...> заменила произвол законом, привилегии – равенством; она освободила людей от сословных различий, землю – от границ между провинциями, промышленность – от гнета корпораций и гильдий, земледелие – от феодальной зависимости и десятинных податей, собственность от оков субституции; и она снова вернула все под эгиду единого государства, единого закона, единого народа» [37, р. 2].

Минье, разумеется, сознавал, что апология революции будет встречена контраргументом о революционном терроре, и, заранее парируя это возражение, замечал, что борьба за «великие преобразования» «наряду с долгосрочными благами привела к временным чрезмерностям» (*des excès passagers*) [37, р. 2]. То есть «ужасы террора», которые в историософии противников революции занимали ключевую позицию, Минье низвел до уровня «временных перегибов», не определяющих сути главных событий. При этом историк указывал на причины революции. Это не «философы» и не «честолюбцы», а тирания, «пожиравшая собственное будущее», абсолютизм, «истощивший прочность государственных пружин» [37, р. 9–10]. Отсюда следует, что и ответственность за жертвы революции возлагалась на абсолютную монархию.

Для эпохи Реставрации эти рассуждения выглядели вызывающе смело. Но они и были спровоцированы этой эпохой. Редактор первого перевода «Истории...» Минье на русский язык К. К. Арсеньев утверждал, что это исследование вышло в свет, когда Францию уже тяготил установившийся порядок, но она «не теряла еще надежды изменить его путем легальной, мирной оппозиции» [2, с. I]. «История...» Минье играла роль своеобразного «поучения царям».

Если Минье выявлял главные тенденции революционных событий, то А. Тьер сосредоточился на создании четкой хронологии, фиксации множества подробностей, создании панорамных картин, широком цитировании исторических документов. Это заставляло расширять объем исследования: оно составило 10 томов и печаталось с 1823 по 1827 г. Трактовка революции была та же, что у Минье. Причины упадка, приведшего к катастрофе, Тьер обнаруживал в том, что государственная власть эпохи абсолютизма превратилась в борьбу кланов и группировок, в систематические злоупотребления, что разоряло страну и не встречало достойной реакции со стороны монарха. Повествование Тьера не оставляет сомнения, что автор с искренним сочувствием относится к жертвам революции, но это сочувствие нигде не заставляет усомниться в благой цели революции и в ее необходимости.

Политическое значение «Истории...» Тьера очень точно отражено в предисловии издателя к ее четвертому изданию (1834), вышедшему уже после Июльской революции:

«Французская революция, мало известная новым поколениям, представлялась им в тумане прошлого лишь кровавым и страшным сном; Реставрация и вся связанная с ней ветвь прошлого заставили найти в воспоминаниях о той эпохе аргументы против идей свободы, прогресса и политических реформ, а также почву для обвинений против людей, боровшихся за их триумф. История г-на Тьера, объясняя, защищая и реабилитируя прошлое, позволила лучше понять настоящее и будущее. Не приходится сомневаться, что новая точка зрения, с которой г-н Тьер представил ту великую эпоху, способствовала развитию в общественном мнении огромного сопротивления, нацеленного против Реставрации» [47, т. 1, р. 2].

Во многом благодаря трудам Минье и Тьера Великая французская революция становилась для общества не «страшным крушением», а примером борьбы за свои права, и это убеждение становилось тем крепче, чем сильнее клонилась к абсолютизму политика Карла X. Июльская революция 1830 г. действительно позволила расширить демократические свободы и поначалу оправдывала надежды своих сторонников. Однако постепенно и либеральная монархия Луи-Филиппа, отвечая интересам лишь узкого общественного круга, перестала соответствовать требованиям французов. В обществе снова актуализировалась идея республики, а соответственно, возобновился и запрос на информацию о Первой республике и о революции, к ней приведшей. И вот в 1847 г. начали печататься сразу три «Истории...» революции – очень разные, но одинаково сильно приковавшие к себе общественный интерес.

Наиболее оригинальной по манере преподнесения материала была семитомная «История французской революции» Ж. Мишле. Именно стиль его повествования, кажется, до сих пор в наибольшей степени привлекает внимание исследователей. Мишле сумел предать научному труду занимательность романа. Этому способствовала прежде всего осознанно поставленная во главу угла авторская эмоциональность и субъективность [14, с. 61], и дело даже не в обилии метафор, риторических вопросов и восклицаний, не в оценочности множества высказываний [15, с. 122–123], дело в подчинении всего повествовательного комплекса как бы сиюминутному потоку авторского размышления или воображения. Рассказом Мишле зачастую руководит не столько хронологическая данность событий и сухая статистика, сколько собственное суждение историка о причинах и следствиях, о символичности того или иного поступка или исторического лица, драматизме той или иной ситуации. Так что применительно к Мишле вполне уместным было бы говорить о драматургии исторического повествования.

Не случайно известный французский знаток творчества Мишле Поль Вьяланекс назвал его «Историю...» «революционным Евангелием» [49, р. 62].

Что важно, Мишле наполнил повествование яркими событийными картинками, построенными с использованием художественных приемов: символизации деталей, обобщении подробностей, фокусировке на «лицах из толпы». В качестве иллюстрации приведем эпизод – из рассказа о разгоне солдатами парижан, пытавшихся захватить Тюильри 12 июля 1789 г. (за два дня до штурма Бастилии):

«<...> Вид немецких солдат, выстроившихся в боевом порядке на площади, все еще вызывал волнение. Мужчины выкрикивали проклятья, дети швыряли камни. В этот самый момент Безанваль <...> отдал безумный, варварский приказ, достойный его легкомыслия, пустить на людей драгун. Драгуны смогли продвинуться в этой тесной толпе, лишь раздавив несколько человек. Их полковник, принц де Ламбеск <...> натывается на баррикаду из стульев; на него начинают сыпаться бутылки и камни; он отвечает выстрелами. Женщины пронзительно кричат; мужчины начинают закрывать ворота Тюильри за Ламбеском. <...> Какой-то мужчина сбит с ног и растоптан, какой-то убегающий старик, серьезно ранен.

Толпа, с криками ужаса и гнева покинув Тюильри, наполняет Париж рассказами об этой жестокости, о том, как немцы толкали своих лошадей на женщин и детей, о старике, раненном, как говорили, рукой самого принца...» [36, т. 1, р. 93–94].

Безанваль и де Ламбеск – конкретные исторические лица, но «кричащие женщины», «какой-то мужчина», «какой-то старик» – это символы, концентрирующие в себе важнейшие проявления коллективных переживаний и «запускающие» работу читательского воображения.

Мы потому так подробно говорим о стиле Мишле, что материалы его «Истории...» оказались чрезвычайно востребованы литераторами, в том числе Базанкуром и Дюма. К этому еще вернемся. Пока же отметим, что, во-первых, стилистическая «художественность» «Истории...» Мишле не противоречила исторической достоверности (автор опирался на множество документов и свидетельств), служила научной задаче [46, р. 64], а во-вторых, труд историка решал важную идеологическую задачу – обосновать закономерность создания республики. Республиканские взгляды были восприняты Мишле вместе с детскими и юношескими впечатлениями; его отец был участником революционных событий, «романтиком от революции» [14, с. 52]; республиканцы были в кругу семейного общения, так что с юных лет «1789 год затмевал для него (Мишле. – В. О.) все иные даты национальных преданий» [48, р. 43].

Определяя причины революции, Мишле, обращается к гораздо более давним временам, нежели Минье или Тьер. Для них революция явилась реакцией на пороки абсолютизма, утрированные произволом Людовика XV и слабостью Людовика XVI. Мишле видит первоисток зла еще в Средневековье, когда католическая церковь «забыла» о христианском принципе справедливости, стала орудием давления на общество и таким образом поощряла неуклонно набиравший силу монархический деспотизм. Так что, по Мишле, почва для революционного взрыва готовилась столетиями, а сама революция восстанавливала справедливость, которая является для человека непреложной ценностью со времен зарождения христианства.

И еще: для Мишле принципиально понимание революции как стихийного, общенационального явления; революция – это воля народа, жертвы революции – результат деятельности отдельных лиц, либо игнорирующих волю народа, либо неверно ее истолковавших:

«<...> В гуманную и благожелательную эпоху нашей Революции действующим лицом был сам народ, весь народ, всякий человек. А в эпоху насилия, в эпоху кровавых деяний, куда позднее ввергли Революцию опасности, действующим лицом оказалось лишь малое, бесконечно малое число людей. Я выяснил и проверил это либо по письменным свидетельствам, либо по рассказам старшего поколения» [36, т. 1, р. XVII].

По выражению А. В. Гордона, «Мишле может считаться слагателем республиканского мифа»: «Он создал исторический образ страны, с которым рождавшаяся Французская Республика себя идентифицировала» [7, с. 52].

К моменту создания романов Базанкура и Дюма в свет вышли лишь пять из семи томов «Истории...» Мишле. Причем 5 том вышел в 1850 г. (то есть во время публикации романов) и повествование в нем доведено до 2–3 июня 1793 г. Тем не менее магистральная мысль историка романистам, безусловно, была ясна, а опубликованные им материалы достаточно подробно характеризовали эпоху.

Зато в полном объеме обоим романистам была доступна восьмитомная «История жирондистов» А. де Ламартина, успевшая выйти из печати в 1847 г. и ставшая вершиной популярности и без того широко известного автора. Хотя Ламартин и заявлял, что намерен описать судьбу лишь небольшого числа революционеров из числа партии жирондистов, он создал очень широкую панораму, охватывающую события с весны 1791 по лето 1794 г., создав портреты не только жирондистов, но и многих из их противников. По охвату событий это действительно была история, но по принципу отбора материала и стилю изложения это в большей степени исторический роман. Ламартин обходился без вымышленных персонажей, но зачастую основывался мифологизированных сведениях. Известно, что он несколько лет собирал материалы и при этом получил много устных свидетельств часто анекдотического и тенденциозного характера [29, р. 311]; кроме того, сам признавал, что идеализирует свои персонажи [29, р. 314], а жанр восьмитомника определял как нечто среднее между историей и мемуарами [35, т. 1, р. II–III]. В результате получилось яркое и драматичное повествование, в котором воссоздавали грандиозные фигуры главных деятелей революции, разворачивались картины ключевых моментов политической борьбы; это был своего рода легендарный эпос о великой эпохе. Уже через полтора-два десятилетия критики и читатели перестанут расценивать «Историю жирондистов» как исторический труд и отнесут к сфере чисто художественной, но аудиторией конца 1840-х – начала 1850-х гг. сочинение Ламартина воспринималось как историческое исследование и чуть ли не главное произведение автора.

Ламартин освещает события как безусловный республиканец, полагая, что революция воплотила в жизнь принципы свободы, равенства и братства, лежащие в основе христианства [35, т. 1, р. 16]. Он неоднократно будет акцентировать внимание на жестокости политического противостояния, на жертвах террора, однако нигде не поставит под сомнение республиканские ценности, и даже врага жирондистов Робеспьера будет изображать без однозначного осуждения и как личность почти титаническую. В глазах Ламартина, Робеспьер человек, который ощущал свое «предназначение» – «воцарение разума посредством демократии»; человек, которым двигало «божественное стремление» к «истине и справедливости законов», «похвальная деятельность» которого

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. ЧАСТЬ VII...

заклучалась «в смертельной борьбе с пороком, ложью и деспотизмом» и которому, наконец, было присуще абсолютное самоотречение, «подобное древним жертвоприношениям». Лишь путь, избранный Робеспьером, отождествлявшим себя со всей революцией и с богом, был ошибочен [35, т. 8, р. 376–377].

Еще одна многотомная (12 томов) «История французской революции» была написана ровесником Базанкура, известным социалистом Луи Бланом. Из перечисленных трудов это исследование содержало, пожалуй, наиболее добросовестный научный аппарат со множеством отсылок к первоисточникам. Подобно Мишле, Л. Блан отыскивал корни революционного движения в Средневековье. По убеждению историка, предпосылки для протестного движения были созданы в тот период, когда христианская церковь в основах своей организации уподобилась мирской власти и срослась с мирской властью, вытеснила принцип «братства» в сферу еретических учений. Союз церкви и деспотизма обеспечивал и практически оправдывал социальную несправедливость. Апофеозом этого процесса Блан показывает состояние власти во Франции XVIII в. С чрезвычайной скрупулезностью Блан «распутывает» придворные интриги, которые вели к обнищанию французского народа.

Поскольку, по убеждению Луи Блана, революция была явлением закономерным, ее деятели должны находиться за пределами осуждений: «Их неистовство обеспечило нам мирную жизнь. Они исчерпали ужас, исчерпали смертную казнь; и сам террор из-за его чрезмерности стал с тех пор навсегда невозможен» [24, т. 1, р. 2]. Впрочем, в одном из уведомлений для читателей о выходе «Истории...» Блан напоминал, что французская революция была «великой битвой», которая «еще продолжается» [26, р. XXXVII].

«История...» Л. Блана насыщена фактическим материалом, но и она к моменту написания романов Базанкура и Дюма еще не была завершена. В 1847 г. в Париже вышли лишь два тома, и повествование в них было доведено до 4 августа 1789 г., когда Учредительное собрание отменило привилегии дворянства и духовенства. 3 и 4 тома вышли уже в 1852 г. Правда, в 1847 г. Брюсселе вышел 1 том «Истории...», так сказать, в иной комплектации: здесь парижские тома были объединены в один текст со сплошной нумерацией, причем повествование было продолжено до лета 1791 г. [25].

Мы остановились лишь на самых известных и, что называется, «концептуальных» трудах о французской революции. Хотя были и другие. Например, 40-томное собрание документов «Парламентская история французской революции...» (1834–1838), предваренное большим аналитическим предисловием, где «родословная» революционного движения велась с V в. [27, р. 11]. Сказанного, думается, достаточно для заключения, что исторические труды об истории Великой французской революции, созданные как в эпоху Реставрации, так и на закате Июльской монархии, во-первых, давали богатейший фактаж, который можно было использовать для художественного осмысления событий, а во-вторых, были пропитаны настроением «революционного энтузиазма» [2, с. VIII].

Литературный контекст

Художественная литература, между тем, сильно запаздывала с обращениями к революционным событиям. Среди известных романов эпохи Реставрации, пожалуй, можно вспомнить лишь «Шуаны» (1829) Бальзака. События разворачиваются в 1799 г. в Бретани в пору очередного контрреволюционного восстания. Персонажи противоборствующих сторон выписаны детализировано и колоритно, причем Бальзак не акцентирует внимание на своих симпатиях одной или другой стороне, так что Н. И. Кареев даже полагал, что Бальзак в романе не проводил «никакой политической

тенденции» [11]. Это заключение, однако, несколько категорично. Дело в том, что роман писался в эпоху, когда существовала тенденция героизировать контрреволюционные восстания как проявление народной преданности монархическим основам [17, с. 280]. Между тем Бальзак изобразил восстание как разгул необузданной жестокости, обусловленной невежеством и дикостью местных крестьян. Причем это не просто следует из анализа событий и характеров, но и прямо декларируется автором:

«<...> В восстании <...> не было ничего благородного, и можно с уверенностью сказать, что если Вандея разбой превратила в войну, то Бретань войну превратила в разбой. Изгнание королевского дома и запрещение религии служили шуанам лишь поводом для грабежа <...>. Когда подлинные защитники монархии явились в Бретань с целью набрать солдат среди ее невежественного и воинственного населения, они тщетно пытались придать при помощи белого знамени какое-то величие гнусным действиям мятежников» [3, с. 130–131].

Совершенно справедливым видится замечание Б. Г. Реизова, что Бальзак стремился продемонстрировать, «насколько опасно поднимать нецивилизованные массы страны» [17, с. 305]. В отвлеченном рассуждении эта мысль могла быть близка и Базанкуру. В своем первом романе «Летучий эскадрон королевы (1560)», говоря о возмущении черни, он констатировал, что «народ есть страшное и кровавое оружие» [13, с. 58]. Но применительно к эпохе революции этот вывод плохо согласовывался с намерениями Базанкура, поскольку в «Монтаньяре...» он старался показать попытки маркиза де Савернуа и его сына поднять контрреволюционное восстание в Вандее как дело в высшей степени благородное.

В пору Июльской монархии следует остановить внимание на романе Жорж Санд «Мопра» (1837). Роман, собственно, не столько о революции, сколько о «предчувствии революции». Действие разворачивается в провинции за какое-то время до 1789 г. Главный герой – отпрыск дворянского семейства из «породы мелких феодальных тиранов, которые в течение стольких веков наводняли и разоряли Францию» [18, с. 299]. Судьба сводит его с получившей хорошее воспитание и образование девушкой, которая, проходя через многие душевные испытания, наконец преобразует разнузданного дикаря-феодала в человека, наделенного чувством собственного долга и уважением к правам любой личности. Роман, таким образом, был своеобразным переосмыслением идей Руссо о воспитании. Идеологически он касался революции лишь косвенно: показан нравственный упадок феодалов, некоторых священнослужителей и т. д. Наиболее очевидно «революционность» идеологии звучала в эпилоге, где главные герой и героиня романа, то есть выразители нравственного идеала, сохранили верность «идее всеобщего равенства» и «охотно, от всего сердца, отдали большую часть своего имущества, подчиняясь законам республики», поскольку «считали эти жертвы справедливыми» [18, с. 576].

В представлении современников романа даже такая опосредованная идеологизация должна была выглядеть как апология революции. Это хорошо заметно по истории романа в России. Первый перевод был опубликован уже в 1837 г. (в год публикации оригинала) в «Московском наблюдателе» [41]. Именно этот перевод В. Г. Белинский (считая «Мопра» «одним из лучших созданий Жоржа Занда» [5, с. 175]) оценил как наиболее удачный. Перевод достаточно точен, за исключением нюанса: в нем отсутствует упомянутый пассаж из эпилога о поддержке героями романа идей революции. Между тем, этот момент не был привнесен автором с течением времени; он присутствовал в

оригинале изначально: и в журнальной [42, Juin, p. 642], и в книжной [43, p. 404–405] версии текста. То есть из перевода этот пассаж исключен из цензурных опасений.

Если так, то опасения эти были вполне обоснованы. Много позднее, в 1854 г., когда возникнет вопрос, можно ли позволить российской публике чтение очередного парижского издания «Мопра», цензор будет настаивать на запрете, поскольку:

«С явной целью подчеркнуть мнимую необходимость <...> революции, г-жа Санд сначала вводит читателя в феодальный замок Мопра, в котором отец и шесть сыновей, настоящие средневековые бандиты, живут лишь грабежом и вымогательствами. Почти все герои романа преисполнены восхищением к доктринам общественного договора и к пагубным идеям, приведшим к роковой революции 93 года» [1, с. 814].

Судя по всему, точно так же воспринимали роман Жорж Санд и французские легитимисты.

Впрочем, с большей вероятностью на память барону де Базанкуру прежде всего должен был приходиться иной роман, который появился не так давно; это «Шевалье де Мезон-Руж» А. Дюма, печатавшийся в газете «La Démocratique pacifique» с мая 1845 по январь 1846 г. Идеологическая составляющая в романе просматривалась слабо. Главная интрига сюжета – знаменитый «заговор гвоздик», составленный в 1793 г., чтобы спасти из заключения Марию-Антуанетту. Главный герой – Морис, республиканец из партии, «объединявшей всех молодых патриотов-буржуа» [8, т. 24, с. 35] – полюбил аристократку, причастную к заговору. Морис против воли также оказывается вовлечен в эту историю. После множества попыток освободить королеву заговорщики терпят крах: Морис и его возлюбленная приговорены к гильотине.

Повествование дает понять, что автор сочувствует и благородным молодым республиканцам, и отважным аристократам-заговорщикам, и Марии-Антуанетте, и, конечно же, ее малолетнему сыну – «ребенку-мученику» [8, т. 24, с. 35]. В негативном ключе изображены лишь некоторые персонажи из числа санкюлотов, лишенных всяких нравственных ориентиров. Напрашивается вывод, что революция высвободила не только силы благородных республиканцев, но и темные страсти людей низких, по чьей вине погибли те, кому сочувствует автор.

Текст переполнен мелодраматичными сценами и романтическими преувеличениями. Поступки героев далеки от реалистичного психологизма. Скажем, друг главного героя идет на казнь только из солидарности с ним. Роман не был в числе наиболее известных произведений Дюма и, вероятно, скоро забылся бы, если бы его сюжет не зазвучал с особой силой в 1847 г.

Основываясь на романе, А. Дюма и его постоянный соавтор О. Моке написали историческую драму «Шевалье де Мезон-Руж, эпизод из времен жирондистов». Премьера состоялась 3 августа 1847 г. в Историческом театре и встретила самый оживленный прием [34, p. 153–157]. Из принципиальных изменений в сюжете – появление жирондистов, о которых не было речи в романе. Возможно, это стало откликом на только что вышедшую «Историю жирондистов» Ламартина. Кроме того, был изменен финал. В пьесе главные герои избегают гибели, спасаясь благодаря другу Морису Лорену, который, жертвуя собой, занимает их место в камере смертников. Там Лорен оказывается среди приговоренных жирондистов и обращается к ним с такими словами: «Граждане жирондисты! Дайте место на вашем *последнем банкете* (курсив мой. – В. О.)... Я тоже умру за отечество!» [33, p. 130].

«Последний банкет» жирондистов – это, конечно, аллюзия к оппозиционным «банкетам реформистов», начавшимся незадолго до этого и привлечшим всеобщее внимание. Таким образом, современные оппозиционеры отождествлялись в пьесе с жирондистами, «людьми мужественными и добродетельными, искавшими средний путь между контрреволюционерами и “демагогами”» [39, р. 40]. Намек, конечно, публикой был «прочитан», и финал сцены «последнего банкета» произвел особенно сильное впечатление: хор исполнил так называемую «Песню жирондистов», в которой приговоренные на казнь клянутся посвятить свою смерть Франции и свободе [33, р. 130]. Куплеты песни принадлежали авторам пьесы (хотя текст припева был позаимствован у автора «Марсельезы» Руже де Лиля [39, р. 41]). Песня идеально соответствовала революционным настроением общества, она вышла на улицы Парижа и стала одной из самых узнаваемых песен революции 1848 г., на многие десятилетия вошла в репертуар патриотов и республиканцев [39, р. 41]). Позднее Дюма, ссылаясь на успех «Песни жирондистов», утверждал, что его театр стал «литературной баррикадой» революции [40, р. 64]. Таким образом, поначалу почти нейтральный в политическом отношении сюжет романа «Шевалье де Мезон-Руж» превратился в 1847 г. чуть ли не в призыв к революции.

Еще более известным сочинением А. Дюма о Великой революции, нежели «Шевалье де Мезон-Руж», стал цикл из четырех романов «Записки врача». Первый роман серии «Джузеппе Бальзамо» начал публиковаться в мае 1846 г. («La Press»), то есть всего через несколько месяцев после завершения печати романа «Шевалье де Мезон-Руж». Хотя произведения эти очевидно связаны относительной общностью изображаемой эпохи, «Шевалье де Мезон-Руж» в задуманную серию не вписывался. Была тому, конечно, чисто формальная причина: в цикле ряд сквозных персонажей (среди них и Бальзамо), которые уже невозможно было включить в «Шевалье де Мезон-Руж». Но главное, что в цикле обозначилась более широкая концепция революционных процессов.

В романе «Шевалье де Мезон-Руж» Дюма ограничен узкими временными рамками – период заточения Марии-Антуанетты перед казнью. Сам материал диктовал автору сочувственное отношение к королеве, обреченной на мученичество. Задуманный же цикл романов позволял автору, обратиться к предреволюционной эпохе (с 1770 г.), что подразумевало решение вопроса о причинах революции, и причины эти автор видел в роковых просчетах королевского двора, в частности, самой Марии-Антуанетты Австрийской. Эта мысль проходит через весь роман «Джузеппе Бальзамо», однако основная функция этого сочинения была явно не идеологической, а развлекательной.

Под именем Джузеппе Бальзамо выведен небезызвестный граф Калиостро. Он возглавляет сообщество масонов и клянется разрушить французскую монархию ради достижения гуманистической цели – равенства людей перед законом. Его действия сводятся, по существу, к выгодному использованию слабых сторон королевской власти, которая своим пороками приближает себе гибельный финал. Французский двор – место борьбы корыстных интересов, губящих Францию. Король Людовик XV погряз в интригах, полностью подчинен фаворитке и не интересуется проблемами государства. В целом, монархия той поры – нравственный упадок при внешнем блеске.

Политические мнения автора в тексте звучат редко и опосредованно. Скажем, говоря о тогдашних прическах аристократок, Дюма замечает: «<...> Мода будто говорила, что так как головам аристократов недолго оставаться на плечах, то их должно всячески украшать и поднимать как можно выше над головами простолюдинов» [8, т. 18, с. 325]. Из подобных замечаний можно было понять, что автор не склонен идеализировать

придворные нравы предреволюционной поры, но это была «фоновая» информация; главным в романе было увлекательное «распутывание» придворных интриг и развитие любовной истории. Эпилог романа печатался 22 января 1848 г. [31] – за месяц до революции.

Видимо, недостаточная политизированность текста тогда уже ощущалась. По успеху пьесы «Шевалье де Мезон-Руж...» Дюма должен был чувствовать, что публику интересуют рассказы не столько о предыстории революции, сколько о самой революции. И судя по всему, в его планах было следующий роман цикла посвятить непосредственно революционным событиям. Вслед за эпилогом «Джузеппе Бальзамо» было помещено предупреждение, что далее автор представит роман, в котором охватит события с 1789 по 1794 гг., так что перед читателем предстанут основные этапы революционной истории [31, р. 2].

Что-то заставило скорректировать план: очередной роман цикла появился (печатался с декабря 1848 г.), но был посвящен событиям 1784–1786 гг. Он назывался «Ожерелье королевы» и рассказывал о скандале, имевшем всеевропейскую известность. Судебный процесс, разбиравший попытку Жанны де Ламотт завладеть баснословно дорогими украшениями, продемонстрировал вопиющую распущенность и коррумпированность придворной среды. Дело было настолько авантюрным, что разжигало любопытство даже без всякого «художественного оформления». Скажем, Луи Блан в «Истории французской революции» посвятил «расследованию» этой аферы не один десяток страниц [24, т. 2, р. 119–157] и констатировал, что «среди второстепенных причин революции, эта была, безусловно, самой яркой, самой действенной» [24, т. 2, р. 157]. Версия событий в романе Дюма была несколько фантастичной, представляла в качестве тайного «координатора» аферы Бальзамо, но вела к той же мысли – распущенность двора компрометировала власть и вела к революции.

Эта мысль была остро актуальной, когда ее в предреволюционной атмосфере высказывал в 1847 г. Л. Блан, но в романе, публиковавшемся через год после революции, она должна была смотреться как «общее место» прошлых политических баталий. Чтобы приблизить роман к политическому моменту, Дюма снабдил его предисловием, где напоминал, что «уже в 1832 году»¹ в книге «Галлия и Франция» предсказал революцию 1848 г., «изложил ее причины, проследил ее нарастание». В качестве подтверждения Дюма цитировал свои слова из этой книги: «Вот бездна, которая поглотит наше нынешнее правительство. Фонарь, который мы зажигаем на его пути, осветит лишь его крушение. <...> И раздастся голос: “Да погибнет королевская власть, но да спасет Бог короля!” И это будет мой голос» [8, т. 20, с. 5].

Это правда. Книга «Галлия и Франция» (историческое исследование романиста, основанное на значительном количестве источников [4, с. 10]), содержала объемный эпилог, в котором писатель прослеживал общую логику развития Франции с древнейших времен и заключал, что история Франции – постоянное движение от деспотизма к свободе. В этом контексте свержение монархии и упразднение дворянских привилегий в эпоху Великой революции – закономерный шаг [30, р. 354], реставрация – случайное нарушение «провиденциальной воли» [30, р. 355]; правление Луи-Филиппа – последняя ступень существования монархии [30, р. 357]. Так что в известной мере Дюма

¹ Здесь Дюма ошибочно датирует книгу «Галлия и Франция» 1832 годом. На самом деле она вышла в 1833 г. В своих «Мемуарах» романист исправляет собственную ошибку и говорит, что эпилог к «Галии и Франции» создавался в 1833 г. [32, р. 265].

действительно предсказал революцию 1848 г. Июльская монархия с первых лет имела многих противников; Дюма это признавал и сам ощущал себя в качестве оппозиционера [9, с. 114–115]. Вопрос в другом. Июльская монархия уже стала прошлым, новая реальность актуализировала вопрос не о пороках ушедшей королей, а о принципах и ценностях недавно провозглашенной Второй республики. И лучшим подспорьем в осмыслении этого вопроса было обращение к историческому примеру – к эпохе Первой республики.

То есть Дюма так же, как и Базанкур, наверняка, признавал, что темп и масштаб политической современности, затмили для читателя увлекательность давно «обкатанных» романов интриг. Между тем «Джузеппе Бальзамо» и «Ожерелье королевы» писались «по старым лекалам»: мистика, мелодраматические эффекты, бесконечные диалоги, заговоры в подземельях, «манипулирование исторической хронологией» [44, р. 13] и т. д. Ситуация требовала, чтобы в следующих текстах были скорректированы выбор исторического материала и принципы его художественного преломления. И таким текстом, построенным на новом отношении к истории, для Дюма станет роман «Анж Питу», опубликованный, напомним, почти одновременно с «Монтаньяром...» барона де Базанкура.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изменившаяся после 1848 г. политическая и литературная реальность актуализировала интерес к событиям Великой французской революции и заставила авторов искать новые принципы отражения исторических событий в художественном тексте. Приходилось учитывать, что события Великой революции неизбежно будут восприниматься читателем в тесном соотношении, с одной стороны, с современностью, а с другой – с историческими фактами, широко представленными в трудах историков. Это одновременно и политизировало тему, и ограничивало возможность замещать исторические факты вымыслом (или манипулировать фактами) в угоду занимательности текста или идеологическим запросам.

Первая часть романа барона де Базанкура «Монтаньяр, или Две республики...» повествовала об эпохе революционного террора 1793 г. и явно была призвана дискредитировать революционное движение вообще и республиканскую идею в частности; доказать, что революционные преобразования были навязаны Франции горсткой лиц из корыстных побуждений и личных амбиций. С этой целью автор демонизирует почти всех представленных в повествовании революционеров и романтизирует аристократов и монархистов. Проблема, однако, в том, что наиболее известные литературные произведения о Великой французской революции (О. де Бальзака, Ж. Санд, А. Дюма) внушали аудитории мысль прямо противоположную – о закономерности Великой революции как единственного пути к освобождению Франции от деспотизма и феодальных пережитков. Более того, исторические труды представляли обширный фактический материал, доказывающий ту же мысль – о закономерности Великой революции. Таким образом, идеологическая позиция барона де Базанкура вынуждала заставляла его вступать в противоречие не только с другими литераторами, но и с историческими трудами, из которых ему, тем не менее, приходилось черпать фактический материал. То есть исторические факты в его распоряжении были те же, что у предшественников, а выводы должны были получиться прямо противоположными. Какими способами Базанкур добивался решения этой задачи, подробно рассмотрим в следующей статье нашего цикла.

Список литературы

1. Айзеншток И. Я., Полянская Л. И. Французские писатели в оценке царской цензуры // Литературное наследство. Т. 33–34. – М.: АН СССР, 1939. – С. 783–795.
2. Арсеньев К. К. Предисловие // Минье [Ф.-О.]. История французской революции. – СПб.: Изд. О. Н. Попова, 1895. – С. I–XXVII.
3. Бальзак О. де. Собр. соч.: В 24-х т. Т. 16. – М.: Правда, 1960. – 439 с.
4. Бейнарович О. Л. Эволюция творчества Александра Дюма от драмы к исторической прозе // Романский коллегийум: междисциплинарный сб. научных трудов. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2016. – С. 4–14.
5. Белинский В. Г. Полное собр. соч.: В 13-ти т. Т. V. Статьи и рецензии. 1841–1844. – М.: АН СССР, 1954. – 863 с.
6. Вышкин А. Л. Поэтика романов А. Дюма «Королева Марго», «Графиня де Монсоро», «Сорок пять»: Автореф. дисс ... канд. филол. наук: 10.01.03. – Самара, 2009. – 23 с.
7. Гордон А. В. Историзм Жюль Мишле // Диалог со временем. – 2020. – Вып. 72. – С. 49–63.
8. Дюма А. Собр. соч.: В 50-ти т. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1992–2005. – Т. 18, 20, 24.
9. Земцов В. Н. Алмаз и мщение: Дюма-отец, Наполеон и Июльская монархия // Запад, Восток и Россия: Историк и Власть. Вопросы всеобщей истории. Вып. 12. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2010. – С. 104–117.
10. Кареев Н. И. Историки французской революции. Т. 1. Французские историки первой половины XIX века. – Л.: Колос, 1924. – 286 с.
11. Кареев Н. И. Французская революция в историческом романе. – Пг., 1923. – 154 с. – Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/kareev-revoluciya-v-romane/obschie-soobrazheniya.htm>. – (Дата обращения: 23.03.2025).
12. Карлейль Т. История Французской революции / Пер. с англ. Ю. В. Дубровина и Е. А. Мельниковой (ч. I). – М.: Мысль, 1991. – 575 с.
13. Орехов В. В. Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть I. Юность и первый роман // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 1. – С. 48–69.
14. Пахсарьян Н. Т. История как роман: «История французской революции» Ж. Мишле // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2021. – № 3 (47): Литература и история – факт и вымысел. – С. 48–66.
15. Раевская О. В. Жюль Мишле и Ролан Барт: два подхода к присутствию автора в историографическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 8, История. – 2021. – № 5. – С. 118–128.
16. Реузов Б. Г. Французская романтическая историография (1815–1830). – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1956. – 533 с.
17. Реузов Б. Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. – Л.: Худож. лит., 1958. – 568 с.
18. Санд Ж. Собр. соч.: В 9-ти т. Т. 3. – Л.: Худож. лит., 1971. – 592 с.
19. Смирнов А. Ю. Империя Наполеона III. – М.: Эксмо, 2003. – 288 с.
20. Тэн И. Происхождение современной Франции [В 5 т.]. Т. 3. Якобинское завоевание. – СПб., 1907. – 228 с.
21. Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы. – М.: Наука, 2007. – 307 с.
22. Barante P. B. de. Tableau de la littérature française pendant le dix-huitième siècle. – Paris: Charpentier, 1847. – 306 p.
23. Bazancour [baron] de. Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. – Bruxelles: Kiessling et compagnie, 1850. – Т. 1–5.
24. Blanc L. Histoire de la Révolution française. 12 vol. – Paris, 1847–1862. – Т. 1–12.
25. Blanc L. Histoire de la Révolution française. Т. 1. – Bruxelles: Meline, Cans et compagnie, 1847. – 468 p.
26. Blanc L. Histoire de la Révolution française. Т. 1. – Bruxelles: Furne et Cie, Pagnerre, 1869. – 570 p.
27. Buchez P.-J.-B., Roux P.-C. Histoire parlementaire de la Révolution française, ou Journal des assemblées nationales depuis 1789 jusqu'en 1815: contenant la narration des événements... précédée d'une introduction sur l'histoire de France jusqu'à la convocation des États-Généraux. Т. 1. – Paris: Paulin, 1834. – 480 p.
28. Compte rendu à l'Assemblée nationale, sur la conspiration des chiffonistes de la ville d'Arles. – Paris: L'imprimerie de Guérin, 1792. – 32 p.

29. Court A. Les Girondins de Lamartine. Un incendie. Un feu de paille // Cahiers de l'Association internationale des études françaises. – 1995. – № 47. – Pp. 305–321.
30. Dumas A. Gaule et France. – Paris: Victor Magen, 1835. – 375 p.
31. Dumas A. Joseph Balsamo. Épilogue // La Presse. 1848. – 22 janvier. – Pp. 1–2.
32. Dumas A. Mes mémoires. T. 6. – Paris: Lévy frères, 1863. – 314 p.
33. Dumas A., Maquet A. Le chevalier de Maison-Rouge, épisode du temps des girondins. Drame en cinq actes et douze tableaux. – Bruxelles: J. A. Lelong, 1847. – 130 p.
34. Gignac M. La théâtralité de la scène et de l'écran: le rôle du décor dans la fiction historique à travers l'exemple du "Chevalier de Maison-Rouge" (1847–1914) // Double jeu. – 2021. – № 18. – Pp. 151–168.
35. Lamartine M. A. de. Histoire des Girondins. – Paris: Furne & Cie, 1847. – T. I. – 493 p.; T. VIII. – 425 p.
36. Michelet J. Histoire de la Révolution française. – Paris: Chamerot, 1847–1853. – T. 1–6.
37. Mignet F. A. Histoire de la Révolution française, depuis 1789 jusqu'en 1814. – Paris, Firmin Didot, père et fils, 1824. – 744 p.
38. Ritz O. L'an IX ou l'historiographie de la Révolution en débat // La Révolution française. – 2016. – № 10. Режим доступа: <http://journals.openedition.org/lrf/1603>. – (Дата обращения: 23.01.2025).
39. Robert V. Théâtre et révolution à la veille de 1848. Le Chevalier de Maison-Rouge // Actes de la recherche en sciences sociales. – 2011. – Vol. 1. – № 186–187. – Pp. 30–41.
40. Saminadayar-Perrin C. Le Mois (1848). Les paradoxes d'une histoire immédiate // Un mousquetaire du journalisme: Alexandre Dumas. – Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté, 2019. – Pp. 47–62.
41. Sand G. Мопра // Московский наблюдатель. – 1837. – Ч. 13. – №. 9. – С. 49–89; – Ч. 13. – №. 10. – С. 131–175; Ч. 13. – №. 11. – С. 263–307; Ч. 13. – №. 12. – С. 389–438; Ч. 14. – №. 13. – С. 5–46; Ч. 14. – №. 14. – С. 127–162.
42. Sand G. Mauprat // Revue des Deux Mondes. – 1837. – T. 10. – Avril. – Pp. 5–58; Avril. – Pp. 177–250; Mai. – Pp. 320–388; Juin. – Pp. 561–643
43. Sand G. Mauprat. T. 2. – Paris: F. Bonnaire, 1837. – 407 p.
44. Sawyer S. La Revolution selon Alexandre Dumas. A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements of the degree of Master's of Art. – Montreal, 1994. – 162 p.
45. Staël-Holstein G. de. Considérations sur les principaux événements de la Révolution française. T. 1. – Paris: Delaunay, Bossange et Masson, 1818. – 440 p.
46. Stanovsky J. Tableau de la France de Jules Michelet: espace géographique, historique ou politique? // Echo des études romanes. – 2018. – Vol. 14. – № 1/2. – Pp. 59–69.
47. Thiers M. A., Bodin F. Histoire de la Révolution française: accompagnée d'une histoire de la révolution de 1355, ou des États généraux sous le roi Jean. T. 1. – Paris, 1834. – 574 p.
48. Viallaneix P. Jules Michelet, évangéliste de la Révolution française // Archives de sciences sociales des religions. – 1988. – № 66/1. – Pp. 43–51.
49. Viallaneix P. Michelet et la Révélation de 1789 // Romantisme. – 1985. – № 50. Religions et religion. – Pp. 61–74.

References

1. Ajzenshtok I. Ja, Poljanskaja L. I. *Francuzskie pisateli v ocenke carskoj cenzury* [French writers in the assessment of the tsarist censorship]. *Literaturnoe nasledstvo*, vol. 33–34. Moscow, AN SSSR Publ., 1939, pp. 783–795.
2. Arsen'ev K. K. *Predislovie* [Preface]. *Mignet F. A. Istorija francuzskoj revoljucii*. St. Petersburg, Izd. O. N. Popova Publ., 1895, pp. I–XXVII.
3. Bal'zak O. de. *Sobranie sochinenij: V 24-h t. T. 16* [Collected Works: In 24 volumes. Vol. 16]. Moscow, Pravda Publ., 1960. 439 p.
4. Belinskij V. G. *Polnoe sobranie sochinenij: V 13-ti t. T. V. Stat'i i recenzii. 1841–1844* [Complete Works: In 13 volumes. Vol. V. Articles and Reviews. 1841–1844]. Moscow, AN SSSR Publ., 1954. 863 p.
5. Bejnarovich O. L. *Jevoljucija tvorcestva Aleksandra Djuma ot dramy k istoricheskoj proze* [Evolution of the works of Alexandre Dumas from drama to historical prose]. *Romanskij kollegium: mezhdisciplinarnyj sb. nauchnyh trudov*. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj jekonomicheskij universitet Publ., 2016, pp. 4–14.

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. ЧАСТЬ VII...

6. Vyshkin A. L. *Pojetika romanov A. Djuma «Koroleva Margo», «Grafinja de Monsoro», «Sorok pjat'»: Avto-ref. diss. ... kand. filol. nauk* [Poetics of the novels by A. Dumas “Queen Margot”, “Countess de Monsoreau”, “Forty-five”: Abstract of thesis]. Samara, 2009. 23 p.
7. Gordon A. V. *Istorizm Zhjulja Mishle* [The Historicism of Jules Michelet]. *Dialog so vremenem*, 2020, no. 72, pp. 49–63.
8. Djuma A. *Sobranie sochinenij: V 50-ti t.* [Collected Works: In 50 volumes]. Moscow, Art-Biznes-Centr Publ., 1992–2005, vols. 18, 20, 24.
9. Zemcov V. N. *Almaz i mshhenie: Djuma-otec, Napoleon i Ijul'skaja monarhija* [Diamond and Vengeance: Dumas père, Napoleon and the July Monarchy]. *Zapad, Vostok i Rossija: Istorik i Vlast'. Voprosy vseobshhej istorii. Vyp. 12*, Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t Publ., 2010, pp. 104–117.
10. Kareev N. I. *Istoriki francuzskoj revoljucii. T. 1. Francuzskie istoriki pervoj poloviny XIX veka* [Historians of the French Revolution. Vol. 1. French historians of the first half of the 19th century]. Leningrad, Kolos Publ., 1924. 286 p.
11. Kareev N. I. *Francuzskaja revoljucija v istoricheskom romane* [The French Revolution in the Historical Novel]. Petrograd, 1923. 154 p. Available from: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/kareev-revoljuciya-v-romane/obschie-soobrazheniya.htm> (accessed 23.03.2025).
12. Karlej' T. *Istorija Francuzskoj revoljucii* [History of the French Revolution]. Moscow, Mysl' Publ., 1991. 575 p.
13. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' I. Junost' i pervyj roman* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part I. Youth and the first novel]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2023, vol. 9 (75), no. 1, pp. 48–69.
14. Pahsar'jan N. T. *Istorija kak roman: «Istorija francuzskoj revoljucii» Zh. Mishle* [History as a Novel: “History of the French Revolution” by J. Michelet]. *Chelovek: Obraz i sushhnost'. Gumanitarnye aspekty*, 2021, no. 3 (47): *Literatura i istorija – fakt i vymysel*, pp. 48–66.
15. Raevskaja O. V. *Zhjul' Mishle i Rolan Bart: dva podhoda k prisutstvu avtora v istoriograficheskom diskurse* [Jules Michelet and Roland Barthes: Two Approaches to the Presence of the Author in Historiographic Discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8, Istorija*, 2021, no. 5, pp. 118–128.
16. Reizov B. G. *Francuzskaja romanticheskaja istoriografija (1815–1830)* [French romantic historiography (1815–1830)]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta Publ., 1956. 533 p.
17. Reizov B. G. *Francuzskij istoricheskij roman v jepohu romantizma* [French historical novel in the era of romanticism]. Leningrad, Hudozh. lit. Publ., 1958. 568 p.
18. Sand Zh. *Sobranie sochinenij: V 9-ti t. T. 3.* [Collected works: In 9 volumes. Vol. 3]. Leningrad, Hudozh. lit. Publ., 1971. 592 p.
19. Smirnov A. Ju. *Imperija Napoleona III* [Empire of Napoleon III]. Moscow, Jeksmo Publ., 2003. 288 p.
20. Tjen I. *Proishozhdenie sovremennoj Francii [V 5 t.]. T. 3. Jakobinskoe zavoevanie* [The Origin of Modern France. Vol. 3. The Jacobin Conquest.]. St. Petersburg, 1907. 228 p.
21. Chudinov A. V. *Francuzskaja revoljucija: istorija i mify* [The French Revolution: History and Myths]. Moscow: Nauka Publ., 2007. 307 p.
22. Barante P. B. de. *Tableau de la littérature française pendant le dix-huitième siècle*. Paris, Charpentier, 1847. 306 p.
23. Bazancour [baron] de. *Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848*. Bruxelles: Kiessling et compagnie, 1850, vol. 1–5.
24. Blanc L. *Histoire de la Révolution française. 12 vol.* Paris, 1847–1862, vol. 1–12.
25. Blanc L. *Histoire de la Révolution française. T. 1.* Bruxelles, Meline, Cans et compagnie, 1847. 468 p.
26. Blanc L. *Histoire de la Révolution française. T. 1.* Bruxelles, Furne et Cie, Pagnerre, 1869. 570 p.
27. Buchez P.-J.-B., Roux P.-C. *Histoire parlementaire de la Révolution française, ou Journal des assemblées nationales depuis 1789 jusqu'en 1815: contenant la narration des événements... précédée d'une introduction sur l'histoire de France jusqu'à la convocation des États-Généraux. T. 1.* Paris, Paulin, 1834. 480 p.
28. *Compte rendu a l'Assemblée nationale, sur la conspiration des chiffonistes de la ville d'Arles*. Paris, L'imprimerie de Guerin, 1792. 32 p.
29. Court A. *Les Girondins de Lamartine. Un incendie. Un feu de paille // Cahiers de l'Association internationale des études françaises*, 1995, no. 47, pp. 305–321.
30. Dumas A. *Gaule et France*. Paris, Victor Magen, 1835. 375 p.

31. Dumas A. *Joseph Balsamo. Épilogue* // La Presse, 1848, 22 janvier, pp. 1–2.
32. Dumas A. *Mes mémoires. T. 6*. Paris, Lévy frères, 1863. 314 p.
33. Dumas A., Maquet A. *Le chevalier de Maison-Rouge, épisode du temps des girondins. Drame en cinq actes et douze tableaux*. Bruxelles, J. A. Lelong, 1847. 130 p.
34. Gignac M. *La théâtralité de la scène et de l'écran: le rôle du décor dans la fiction historique à travers l'exemple du "Chevalier de Maison-Rouge" (1847–1914)* // Double jeu, 2021, no. 18, pp. 151–168.
35. Lamartine M. A. de. *Histoire des Girondins*. Paris, Furne & Cie, 1847, vol. 1, 8.
36. Michelet J. *Histoire de la Révolution française*. Paris, Chamerot, 1847–1853, vol., 1–6.
37. Mignet F. A. *Histoire de la Révolution française, depuis 1789 jusqu'en 1814*. Paris, Firmin Didot, père et fils, 1824. 744 p.
38. Ritz O. *L'an IX ou l'historiographie de la Révolution en débat* // La Révolution française, 2016, no. 10. Available from: <http://journals.openedition.org/lrf/1603>. (accessed: 23.01.2025).
39. Robert V. *Théâtre et révolution à la veille de 1848. Le Chevalier de Maison-Rouge* // Actes de la recherche en sciences sociales, 2011, vol. 1, no. 186–187, pp. 30–41.
40. Saminadayar-Perrin C. *Le Mois (1848). Les paradoxes d'une histoire immédiate* // Un mousquetaire du journalisme: Alexandre Dumas. Besançon, Presses universitaires de Franche-Comté, 2019, pp. 47–62.
41. Sand G. *Monpa* // Московский наблюдатель, 1837, vol. 13, no. 9, pp. 49–89; vol. 13, no. 10, pp. 131–175; vol. 13, no. 11, pp. 263–307; vol. 13, no. 12, pp. 389–438; vol. 14, no. 13, pp. 5–46; vol. 14, no. 14, pp. 127–162.
42. Sand G. *Mauprat* // Revue des Deux Mondes, 1837, vol. 10, Avril, pp. 5–58; Avril, pp. 177–250; Mai, pp. 320–388; Juin, pp. 561–643.
43. Sand G. *Mauprat. T. 2*. Paris: F. Bonnaire, 1837. 407 p.
44. Sawyer S. *La Revolution selon Alexandre Dumas. A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements of the degree of Master's of Art*. Montreal, 1994. 162 p.
45. Staël-Holstein G. de. *Considérations sur les principaux événements de la Révolution française. T. 1*. Paris, Delaunay, Bossange et Masson, 1818. 440 p.
46. Stanovsky J. *Tableau de la France de Jules Michelet: espace géographique, historique ou politique?* // Echo des études romanes, 2018, vol. 14, no. 1-2, pp. 59–69.
47. Thiers M. A., Bodin F. *Histoire de la Révolution française: accompagnée d'une histoire de la révolution de 1355, ou des États généraux sous le roi Jean. T. 1*. Paris, 1834. 574 p.
48. Viallaneix P. *Jules Michelet, évangéliste de la Révolution française* // Archives de sciences sociales des religions, 1988, no. 66-1, pp. 43–51.
49. Viallaneix P. *Michelet et la Révélation de 1789* // Romantisme, 1985, no. 50. Religions et religion, pp. 61–74.

**BARON DE BAZANCOURT:
LITERATOR, HISTORIAN, MILITARY CORRESPONDENT.
PART VII. "REVOLUTIONARY" NOVEL**

Orekhov V. V.

The article examines the first part of Baron de Bazancourt's feuilleton novel "Montagnard, or Two Republics. 1793–1848", dedicated to the era of the Great French Revolution and published in 1850 in the monarchist newspaper L'Assemblée nationale. The article also focuses on the literary and historiographic context: works of art (O. de Balzac, J. Sand, A. Dumas) and historical works (A. Thiers, F.-O. Mignet, J. Michelet, A. de Lamartine, L. Blanc), which Bazancourt had to build on or, at least, take into account the existence of in the process of artistic interpretation of revolutionary events. The aforementioned literary texts and historical studies advanced the idea of the regularity of the Great French Revolution, which contradicted the ideological tasks that the monarchist Baron de Bazancourt set for his novel. As a result, the novelist found himself in a situation where he had to draw factual material from well-known historical works, but at the same time formulate sometimes directly opposite conclusions; this forced him to look for ways to radically rethink the historical material already introduced into reader circulation.

Key words: Baron de Bazancourt, Montagnard, A. Dumas, The Great French Revolution, 1793.